

Ю. Г. Акимов, К. В. Минкова
ГЕНЕРАЛ ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ
В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОГО ВОСПРИЯТИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Настоящая антология приурочена к великой дате российской и мировой истории — 70-летию окончания Второй мировой войны. Когда заходит речь о лидерах основных союзников СССР по антигитлеровской коалиции обычно упоминаются три имени: Франклайн Делано Рузвельт, Уинстон Черчилль, Шарль де Голль. Последняя фигура является, пожалуй, самой неоднозначной — возможно, вследствие недостаточности достоверной информации. За военные и послевоенные годы отношение к де Голлю со стороны советских властей и, соответственно, пропаганды, неоднократно претерпевало весьма серьезные изменения; лишь в начале 1970-х гг. за генералом прочно закрепилась репутация «друга» и «союзника» СССР. В предлагаемом исследовании собраны разнообразные документы и материалы (официальные письма, речи, тексты соглашений, газетные и журнальные статьи, отрывки из мемуаров современников, и работ специалистов-историков разных периодов), которые позволяют проследить сложную и неоднозначную эволюцию восприятия де Голля, и прежде всего его деятельности в годы войны в Советском Союзе. Все это позволит читателю лучше понять и, возможно, в чем-то переосмыслить образ де Голля.

* * *

Имя Шарля де Голля — наиболее выдающегося французского государственного деятеля XX в. — в настоящее время достаточно хорошо известно в нашей стране. В глазах большинства россиян генерал де Голль имеет две ипостаси: с одной стороны, его

знают как генерала — руководителя Свободной/Сражавшейся Франции, который смог вернуть своей стране статус великой державы в годы Второй мировой войны, с другой — как политика, создателя и первого президента Пятой республики, непреклонно отстаивавшего французские интересы в непростых условиях холодной войны и последовательно выступавшего за развитие дружеских отношений между Францией и нашей страной.

Что касается восприятия де Голля в СССР (и, прежде всего в годы Второй мировой войны), то чрезвычайно важным источником информации здесь являются статьи в газетах «Известия», «Правда» и «Красная звезда». Помимо собственно информации о деятельности де Голля в годы войны, анализ этих источников позволяет проследить отношение советского руководства к де Голлю и его деятельности во время войны, а также — что не менее важно — степень значимости его фигуры в глазах советского правительства.

Не следует забывать о том, что в сталинском СССР информация о событиях, происходивших за пределами его границ, равно как и сведения о важнейших зарубежных политических, военных и общественных деятелях, предназначавшиеся для широкого распространения (через СМИ, кинохронику, книги), строго дозировались и проходили серьезный идеологический контроль. Благодаря этому в советском общественном мнении формировалось строго определенное, одобренное руководством страны восприятие деятельности иностранных политиков, событий, происходящих в той или иной стране и «заграничной жизни» в целом. Фактически, «общественное мнение» целенаправленно создавалось узким кругом лиц, обначенных верховной властью, которые давали соответствующие директивы органам, занимающимся информацией и пропагандой. При этом в связи с отсутствием любой другой альтернативной информации, советские люди вряд ли могли подвергать сомнению и критическому анализу тот материал, который доводился до их сведения и становился частью их мировосприятия. Достаточно вспомнить такие знаковые фигуры как лорд Керзон, Чемберлен или изгнанный за границу Троцкий, которые вошли даже в народный фольклор (что в известной степени было инспирировано «сверху»).

Тем интереснее и удивительнее феномен Шарля де Голля, в военные годы ставшего в Советском Союзе, в его общественном мнении положительной фигурой. При этом лидеру Свободной

(а затем Сражавшейся) Франции прощался его плохо скрываемый антикоммунизм, явный «буржуазный национализм» и империалистическое стремление возродить «французское величие», смыв позор коллаборационизма Виши и вновь вернув свою страну на международную арену в качестве серьезного политического игрока в составе антигитлеровской коалиции. Можно предположить, что свою роль в создании положительного имиджа этого французского политика в СССР сыграли два фактора. Первый (и решающий) — это постепенно сформировавшееся положительное восприятие де Голля, его взглядов и его деятельности советским руководством и прежде всего, лично И. В. Сталиным, решившим использовать генерала в своих политических интересах. И второй (факультативный) — традиционно позитивное восприятие Франции (несмотря на все политические катаклизмы XX века) и особенно французской культуры в широком общественном мнении нашей страны.

Какие же политические обстоятельства способствовали положительному оценке лидера «Свободной Франции» в глазах советского руководства? Биография де Голля была к началу войны достаточно хорошо известна в Москве (правда, знали его в основном как военного теоретика) и вызывала в лучшем случае противоречивые оценки. Так, очевидно, что «польский эпизод» его карьеры, имевший место в 1919–1921 гг. (де Голль находился в Польше в качестве военного специалиста и даже некоторое время провел на фронте во время Советско-польской войны) вряд ли мог вызвать симпатии советского руководства. Более позитивно могло быть оценено то обстоятельство, что в июне 1940 г. в разгар Французской кампании де Голль был назначен заместителем военного министра и пытался противодействовать пораженческим настроениям, олицетворением которых стал его бывший шеф маршал Филипп Петен, выступавший за сепаратный мир с Германией. То, что де Голль был разрабатывал одну из танковых операций финнов в «зимней» войне, а также большое уважение, которое испытывали к его теоретическим выкладкам командиры немецких танковых дивизий, в первую очередь, Гудериан, по всей видимости, в то время оставалось для советских лидеров неизвестным (или просто не принималось во внимание) и, соответственно, не находило своего отражения в характере той информации, которую советские газеты преподносили массовому читателю. Это же относится и к сведениям о детстве, отрочестве

и довоенной карьере де Голля, которые стали доступны массовому читателю лишь благодаря трудам советских историков послевоенного периода — в первую очередь, Н. Н. Молчанова¹, В. И. Антохиной-Московченко² и М. Ц. Арзаканян³. Позже к ним присоединились М. О. Мирович⁴, В. А. Гуторов⁵ и другие ученые.

Когда после капитуляции Франции де Голль уехал в Лондон и стал позиционировать себя в качестве лидера французской эмигрантской оппозиции, верной союзникам, этот факт также вряд ли прибавил генералу симпатий советского руководства, связанного на тот момент с Германией договором о ненападении и признавшим правительство Виши. Кроме того, Москве было известно, что де Голль сумел стать лидером «Свободной Франции» благодаря поддержке британского премьера Уинстона Черчилля, не испытывавшего ни малейших симпатий к советскому режиму. Не следует забывать от том, что де Голль-политик к середине 1940 г. был малоизвестен не только в Советском Союзе, но и в Европе, и в самой Франции, где его краткое пребывание на посту заместителя министра не принесло ему известности. Во всяком случае, в очень подробном письме посла СССР по Франции Я. З. Сурица о положении дел и перспективах Франции заме-

¹ Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1975.

² Антохина-Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990.

³ Арзаканян М. Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., 1990; Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001; Де Голль. М., 2007; Великий де Голль. М., 2012; Неизвестные письма Шарля де Голля. 1938 г. Архивные находки — Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 207–211; План «единой Европы» де Голля и СССР — История европейской интеграции. 1945–1995. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 197–205; «Самый знаменитый из французов» — Шарль де Голль. 1890–1970. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 5–16; Де Голль глазами Коминтерна — Шарль де Голль. 1890–1970. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 29–43; Де Голль и Россия — Россия и Франция. М., 2006. С. 362–373; Советско-французское сближение во время Второй мировой войны — СССР и Франция во время Второй мировой войны. М.: ИВИ РАН — МГИМО, 2006. С. 145–153; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны и визит де Голля в СССР 1944 года — Россия — Франция. 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 243–251.

⁴ Мирович М. О. Генерал де Голль. М., 1999.

⁵ Гуторов В. А. Ш. Де Голль и современная Россия // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. Политическая наука. Ежегодник РАПН. М., 2004; Голлизм и современная Россия: утра-та или обретение традиций? // ПОЛИТЕКС. Политическая экспертиза. Альманах. 2005. Издательство С.-Петербургского университета, 2005. С. 93–117.

стителю наркоминдела В. П. Потемкину от 12.01.1940 о де Голле нет ни слова — по-видимому, его еще не знают⁶.

Очевидно, Сталин какое-то время рассматривал де Голля не как независимую, но скорее как проанглийскую фигуру на политической сцене. В советской печати за 1940 г. можно найти лишь несколько нейтральных статей исключительно информативного характера с упоминанием о де Голле (в первой посвященной ему публикации даже его фамилия была транслитерирована неправильно и не склонялась — «Заявление генерала де Голь»). Справедливости ради следует отметить, что столь же нейтральное отношение сохранялось в советской прессе и к правительству Виши.

Восприятие де Голля в советском руководстве поменялось лишь после нападения Германии на СССР. В своих мемуарах де Голль пишет об этом так: «И если еще в тот самый момент, когда немецкие танки пересекали русскую границу, радио Москвы продолжало клеймить «английских империалистов» и «их деголлевских наемников», то буквально часом позже московские радиостанции уже возносили хвалу Черчиллю и де Голлю»⁷. Больше всего упоминаний о де Голле в 1941 г. содержится в газете «Красная звезда», где с июля 1941 г. — то есть еще до установления официальных контактов между «Свободной Францией» и правительством СССР самым подробным образом сообщалось о его передвижениях и выступлениях. Нельзя не заметить, что газета изобиловала весьма пафосными статьями (в основном принадлежавших перу Ильи Эренбурга) о тяжелейшем положении дел во Франции и судьбах французов, оказавшихся как в оккупированной, так и в неоккупированной зоне. Таким образом, образ де Голля-союзника начал формироваться у советского читателя с первых дней войны.

Самому де Голлю начало операции «Барбаросса» против Советского Союза 22 июня 1941 г. также представлялось решающим поворотом в войне, несмотря на стремительность немецкого наступления и неудачи советских войск на начальном этапе войны. Об этом он публично заявил уже 11 июля 1941 г. в своей речи в Браззавиле. Тогда же де Голль, по свидетельству его окруже-

⁶ (Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940. Т. II. М., 1998. С. 571–581).

⁷ Де Голль Ш. Военные мемуары: Призыв 1940–1942. М., 2003. С. 237.

ния, стал живо интересоваться всем, что было связано с нашей страной. Так, например, когда 21 июля прибывший к генералу Жеро Жув, представитель Свободной Франции на Балканах, начал рассказывать ему о действиях небольших групп французских патриотов в данном регионе, де Голль перебил его со словами: «Все это меня не интересует, расскажите мне о России».

Вскоре И. М. Майский, советский посол в Лондоне, узнал через эмиссаров де Голля Рене Кассена и Мориса Дежана о том, что от Комитета «Свободная Франция» поступило предложение о военном сотрудничестве. Не настаивая на признании — официальном или неофициальном — движения «Свободная Франция» Советским правительством, де Голль стремится установить с русскими непосредственные связи, а не сноситься с ними через англичан, как это было до того. 26 сентября 1941 г. Майский уведомил де Голля, что Советское правительство признает его как руководителя всех примкнувших к нему «свободных французов», «где бы они ни находились». Правительство СССР выразило также готовность оказать «Свободной Франции» всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками.

После этого А. Е. Богомолов, который до нападения Германии на СССР занимал пост советского посла при правительстве Виши, был переведен в Лондон и установил прямые контакты с де Голлем. 26 сентября 1941 г. Советское правительство признало генерала главой «Свободной Франции» и заверило его в своей поддержке в восстановлении независимости и величия Франции. Впрочем, это признание далеко не означало, что в глазах СССР де Голль уже на тот момент воспринимался как *единственный* потенциальный лидер свободных французов. Необходимо принимать во внимание, что на протяжении всей войны в Москве находился руководитель французских коммунистов Морис Торез, а прочные контакты между «Свободной/Сражающейся Францией» и движением Сопротивления, развивавшимся на территории самой Франции, установились лишь к 1943 г.

Совершенно очевидно, что тесные отношения, установившиеся между СССР и «Свободной Францией» с лета 1941 г., на самом деле основывались на трезвых и хорошо продуманных расчетах. Де Голль — малоизвестный как в своей стране, так и в мире, получал помощь и поддержку одного из сильнейших государств планеты, в конечной победе которого над Гитлером де Голль

никогда не сомневался. Стратегически поддержка СССР обеспечивала де Голлю место руководителя первого послевоенного правительства Франции, к чему он упорно стремился, а самой Франции — утраченное ею место среди великих держав.

В своих «Мемуарах» де Голль так пишет о том, как он представлял себе отношения со сталинской Россией: «Я совершенно не сомневался, что победа, в которой примут решающее участие Советы, ставит серьезные угрозы перед миром. Необходимо было отдавать себе в этом отчет, воюя на их стороне... С другой стороны, присутствие России в лагере союзников давало сражающейся Франции некий элемент равновесия по отношению к англосаксам, который я рассчитывал использовать...»⁸.

Для советского руководства становилось все более очевидным, что де Голль — отнюдь не марионетка в руках американцев и англичан, но напротив готов отстаивать французские интересы даже ценой политических конфликтов с руководством США и Великобритании. Де Голль писал об этом так: «Слушая американского президента, я окончательно убедился, что в деловых отношениях между двумя государствами логика и чувство значат очень мало в сравнении с реальной силой, что здесь ценится тот, кто умеет схватить и удержать захваченное; и если Франция хочет занять прежнее своё место, она должна рассчитывать только на себя»⁹.

Таким образом, здесь уже появился тот новый французский стиль, который будет характерен для де Голля на протяжении всей его политической карьеры — стремление балансировать между двумя сверхдержавами с тем, чтобы добиться возвращения и признания «французского величия». Такая независимая фигура в лагере западных союзников устраивала советское руководство и в краткосрочном, и в долгосрочном плане. Де Голль, самый незначительный из союзников по влиянию, был нужен СССР для изменения баланса сил в свою пользу. Невзирая на внешне хорошие отношения с Великобританией и США, расклад сил без Франции де Голля всегда был 2:1 не в пользу СССР. С появлением де Голля счет сравнялся.

Впрочем, чем мог помочь Сталину генерал без армии, войска которого насчитывали на середину 1941 г. 100 тысяч солдат

⁸ Le Groignec J. Petain et de Gaulle. Nouvelles Editions Latines, 1998. P. 222.

⁹ Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1980. С. 239.

против 6,5 миллионов бойцов Красной Армии? Представляется, что Сталин уже на тот момент смог оценить харизматичность де Голля и его политические перспективы. Кроме того, по множеству свидетельств, не подкрепленных к сожалению конкретными документами, по всей видимости, уже на этом этапе имел место тайный сговор Сталина и де Голля, по которому в войска де Голля в Северной Африке внедрялись сотрудники НКВД, проводившие там «чистки» среди эмигрантов и так называемых Ди-Пи — перемещенных лиц из числа беженцев, военно-пленных и угнанных немцами на принудительные работы. Судя по сообщениям эмигрантской прессы, такие чистки проводились уже с 1942 г. при полном попустительстве де Голля, который не мог о них не знать. В дальнейшем агенты НКВД продвигались вместе с войсками де Голля и в итоге оказались в Париже, где вплоть до середины 1946 г. практически безнаказанно осуществляли свою деятельность по насильтственному возвращению в СССР советских граждан, захватывая попутно и старых эмигрантов, зачастую обладавших уже французскими паспортами.

Об отношениях русских эмигрантов и де Голля нельзя не упомянуть особо, поскольку они сыграли немаловажную роль в советско-французских отношениях в 1940-х годах. Следует помнить, что до войны Париж был признанной «столицей» эмиграции (всего во Франции насчитывалось до 400 тыс. выходцев из России). С началом войны в эмигрантской среде произошел раскол: наиболее непримиримые рассматривали Гитлера как спасителя России от «большевицкого ига» и в той или иной форме сотрудничали с немцами, некоторые пытались соблюдать нейтралитет, другие, напротив, сразу же встали на антифашистские позиции и примкнули к Сопротивлению. Сохранились уникальные воспоминания Н. А. Кривошеиной о том, как она слушала знаменитое выступление де Голля по радио 18 июня 1940 г., накрывшись двумя одеялами, чтобы лучше разбирать его слова сквозь помехи.

Сообщения в русскоязычной прессе военных лет, посвященные тем или иным конкретным действиям де Голля и советско-французским отношениям в целом, содержат явные преувеличения (это касается и позитивных и негативных откликов). В то же время при всем очевидном искажении фактов они прекрасно отражают настроения, царившие в эмигрантской среде. Кроме того они подтверждают присутствие сотрудников НКВД на территории Французской Северной Африки, а позднее и самой Франции

в годы войны, а также тот факт, что деятельность данных сотрудников осуществлялась при попустительстве (насколько оно было явным — другой вопрос) со стороны Временного правительства Франции во главе с де Голлем.

Что касается советской пропагандистской машины, то она следовала за руководящими указаниями «сверху». Де Голль (неприкрытый антикоммунизм которого умело сглаживался авторами материалов о событиях во Франции) был призван стать «положительным героем» в глазах советского общественного мнения. Его независимость и склонность к маневрированию, которые так раздражали американцев, тщательно ретушировались. Как писал А. А. Громыко: «В первые послевоенные годы распространилось мнение, что де Голль — человек малодоступный, что с ним трудно разговаривать, что в качестве собеседника ему нужен партнер только с солидным положением и известный в обществе. Такое мнение бытовало и в США, даже можно сказать, особенно в этой стране. Определенное объяснение тому нетрудно найти. В отношениях между Белым домом и Елисейским дворцом не было необходимой теплоты, что передавалось и прессе. Поэтому нередко в американских газетах, когда упоминалось имя де Голля, присутствовал налет довольно язвительного юмора». В то же время советское «официальное» восприятие личности и политики де Голля также характеризуется А. А. Громыко весьма точно: «Де Голль для своего времени являлся не только одним из выдающихся деятелей Франции, но и одним из наиболее прозорливых политиков Запада в целом... Де Голль осознавал объективную потребность в сближении Франции с Советским Союзом с учетом исторически сложившихся традиций в отношениях между двумя странами и создавшейся обстановки в Европе и в мире»¹⁰.

При всем своем своеобразии и независимости Шарль де Голль и вопреки всем разногласиям с Черчиллем и Рузвельтом, в политических вопросах де Голль объективно оставался скорее военно-политическим союзником США и Великобритании, и положительный имидж де Голля в СССР не превращал его в приверженца социализма. Однако именно непростые отношения француза с англичанами (в лондонской журналистской среде о де Голле ходило множество анекдотов) и особенно американцами

¹⁰ Громыко А. А. Памятное. Кн. 2. М., 1990. С. 31.

вызывали у советских представителей интерес и симпатии. Сам Черчилль, жалуясь на «трудного» генерала, со вздохом говорил, что из всех крестов, которые ему приходится нести, «самым тяжким является лотарингский» — крест, выбранный де Голлем как символ Свободной Франции. Черчилль же пустил в обращение фразу: «Де Голль (провозгласивший неизбежность возрождения величия Франции) твердо обосновался... в облаках»¹¹. Ряд инцидентов, произошедших между де Голлем и Черчиллем из-за неуступчивости первого, не мог не повлиять на отношения между англичанами и комитетом «свободных французов». Черчилль писал в своих мемуарах: «Результат целого года наших усилий выработать единую политику, основанную на подлинном чувстве дружбы между США, Англией и руководителями «свободных французов», был весьма безотрадным»¹². В этой связи интересно личное секретное письмо Сталина премьер-министру Великобритании У. Черчиллю: «Я получил Ваше послание от 23 июня сего года, в котором Вы указываете, что Правительства Великобритании и Соединенных Штатов Америки в данное время намерены воздержаться от признания уже созданного Французского Комитета Национального Освобождения. В обоснование этой своей позиции Вы ссылаетесь на то, что командование не может быть уверено в том, какие действия может предпринять генерал де Голль, и не уверено также в его дружественных чувствах к союзникам... Я надеюсь, что Вы учтете заинтересованность Советского Союза во французских делах и не откажете Советскому Правительству в своевременной информации, необходимой для принятия соответствующих решений»¹³.

Впрочем, советское руководство всегда отдавало себе отчет в том, что де Голль не разделял его взглядов на социальные проблемы, всегда оставаясь при своем мнении по решению внешнеполитических вопросов послевоенного урегулирования. При этом еще одним условием, которое, очевидно, поставил де Голлю Сталин в обмен на поддержку, была легализация Французской коммунистической партии (ФКП) и введение коммунистов в состав

¹¹ Краминов Д. Ф. В орбите войны: Записки советского корреспондента за рубежом. 1939–1945 годы. М., 1986. С. 231–235.

¹² Черчилль У. Мемуары. Т. 5. часть 1. Глава десятая. Напряженные отношения с генералом де Голлем. С. 105.

¹³ Письмо Сталина Черчиллю № 166. 26 июня 1943 г. URL: http://www.hrono.ru/libris/stalin/sc43_06.html

французского правительства. В существовавших на тот момент обстоятельствах де Голль был вынужден пойти на уступки и выполнить это условие. Представляется, впрочем, что он надеялся на то, что на первых послевоенных выборах французский народ не будет голосовать за коммунистов и таким образом освободит его от данного обещания, однако чего де Голль не смог предусмотреть, так это того, что вместе с коммунистами доверие французов утратит и он сам — герой войны, «великий француз», создатель «Свободной Франции».

Таким образом, положительный имидж де Голля как «друга» формировался в СССР скорее «несмотря на классовые противоречия», чем благодаря реальной политической или идеологической близости. Это подтверждают в частности воспоминания о де Голле писателя и журналиста Д. Ф. Краминова: «Наибольший интерес вызывал у нас генерал де Голль — фигура своеобразная и сложная. Патриот, поставивший величие Франции превыше всего и поэтому начавший борьбу за ее освобождение, он боялся народа, особенно рабочего класса, прогрессивных сил страны, угрожавших господствующему положению французской правящей верхушки, хотя эта верхушка своим сотрудничеством с Гитлером подготовила поражение Франции...»¹⁴. Разумеется, формированию этого имиджа способствовали телеграммы де Голля, исправно поздравлявшего советские войска и лично Сталина с победами, днем Красной Армии и другими советскими праздниками, а также его выступления по радио. Например, 20 января 1942 г. на волнах Би-би-си генерал де Голль приветствовал русских союзников и поздравил их по случаю победы под Москвой и провала немецкого наступления на Ленинград. «Франция, которая страдает, рядом со страдающей Россией. Франция, которая воюет, рядом с воюющей Россией. Франция, погруженная в отчаяние, рядом с Россией, поднимающейся из мрачной пропасти к солнцу величия»¹⁵.

С конца 25 ноября 1941 года де Голль стала рассматривать возможность отправки французских войск на Восточный фронт. По воспоминаниям советского дипломата адмирала Н. М. Харла-

¹⁴ Краминов Д. Ф. В орбите войны: Записки советского корреспондента за рубежом. 1939–1945 годы. М., 1986. С. 231–235.

¹⁵ La France Libre et l'URSS // www.francetelevision.fr/histoire-du-vingtieme-siecle-la-resistance/article/la-france-libre-et-l-urss

мова, генерал как-то «пришел в советское посольство и сообщил, что он намерен направить в распоряжение Красной Армии одну из дивизий, находившихся в Сирии.

— Англичане не умеют командовать механизированными соединениями, — заявил он.

Мы с Майским промолчали.

— Учитывая сложившуюся обстановку, — продолжал де Голль, — я предпочитаю помогать России, а не Великобритании»¹⁶.

Этот проект прямого советско-французского военного сотрудничества не был реализован. В советской пропаганде считалось, что причиной этому было противодействие англичан. Белоэмигрантская печать, однако, говорит о другом: «Лица, готовые сражаться в рядах голлистов, подписывали бумагу, которая давала право де Голлю отправлять их на любой фронт. Но в какой-то момент довольно большая группа будущих солдат, которых тайно вывозили из Франции через Испанию и Португалию, намереваясь перебросить в СССР, узнав о том, куда их собираются направить, взбунтовалась, повыбрасывала из поезда голлистскую охрану и совершила побег»¹⁷.

Единственный реализованный проект подобного рода — создание в конце 1942 года французской эскадрильи «Нормандия», воевавшей на советско-германском фронте, — был широко рекламирован в советской печати. Разумеется, в военном отношении значение 72 французских летчиков и механиков, действовавших на восточном фронте с апреля 1943 г., было невелико, но они стали «важным политическим фактором и символическим связующим звеном между СССР и французским движением Сопротивления. Французские летчики доблестно сражались, понесли тяжелые потери — до 2/3 личного состава — и были щедро награждены советскими военными орденами и медалями. Боевые действия этой французской авиационной части широко освещались в советской печати»¹⁸.

Становление официальных отношений между движением де Голля и Советским правительством, о которых аккуратно

¹⁶ Харламов Н. М. Трудная миссия. М., 1983. С. 157.

¹⁷ Новое слово № 3 (593). 9 января 1944. С. 7.

¹⁸ См., напр.: Эренбург И. Французы // Красная звезда № 004. 6 января 1943 г. С. 4.

сообщалось как советскому читателя, так и всему миру, проходило в несколько этапов. Как уже упоминалось, 24 мая 1942 г. состоялась встреча де Голля с В. М. Молотовым, находившимся в то время с визитом в Лондоне. Статья об этой встрече, помещенная на передовице газеты «Правда», содержит следующие строки: «Во время этой беседы, протекавшей в атмосфере особенной сердечности, В. М. Молотов подтвердил желание Советского Правительства видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и в мире свое место великой демократической антигитлеровской державы. В. М. Молотов подчеркнул роль Французского Национального Комитета в растущем сопротивлении французского народа и в утверждении прав французского народа на победу путем его участия в общей борьбе»¹⁹. Как уже говорилось, каждое слово любой подобной статьи тщательно взвешивалось, поэтому упоминание об обстановке «особенной сердечности» должно было подчеркнуть значение отношений со «Свободной Францией» для советского правительства.

Весной 1942 г. в Москву прибыла французская делегация во главе с Р. Гарро, который «был твердым сторонником де Голля и в своих беседах с русскими никогда не делал секрета из разногласий между де Голлем, с одной стороны, и англичанами и американцами — с другой. Гарро (подобно де Голлю) придавал поддержку, оказываемую СССР «Свободной Франции», большое значение. 26 марта 1943 г. он даже заявил Молотову, что Французский национальный комитет черпает для себя в позиции Советского правительства чувство ободрения. «Без этого ободрения Сражающаяся Франция не пережила бы трудных ноябрьских дней, когда в Африке делались попытки создать другое правительство...» ... Таким образом, у де Голля имелись в общем все основания быть довольным поддержкой, которую Советское правительство оказывало ему уже с 1941 г.»²⁰. В СССР все это не оставалось без внимания. Любопытен символический момент. 4 января 1943 г. в «Правде» были опубликованы новогодние поздравления, поступившие в адрес И. В. Сталина от лидеров стран антигитлеровской коалиции. Тексты поздравлений президента США и премьер-министра Великобритании

¹⁹ Правда. № 175, 24 июня 1942 г. С. 1.

²⁰ Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 2001. С. 581.

были помещены каждое на одной колонке, а поздравления де Голля — на двух!

Впрочем, за внешне благополучным фасадом «дружественных» отношений между советским правительством де Голлем скрывалось много проблем самого разного свойства. Практически на всем протяжении войны было очевидно, что де Голль нуждался в СССР гораздо больше, чем СССР — в де Голле. Это подтверждается, в частности, тем, что инициатором советско-французских встреч на уровне послов в 95 % случаев была французская сторона. При этом целью встреч почти всегда было стремление французов получить какую-либо информацию о текущих событиях (поскольку Великобритания и США зачастую намеренно скрывали от де Голля планы своих действий из-за явного сотрудничества последнего со Сталиным) — как на фронте, так и в области переговоров с союзниками относительно послевоенного урегулирования и устройства мира.

Особое значение имел приезд де Голля в Москву в декабре 1944 г. и его встречи со Сталиным и Молотовым, которые продемонстрировали всю двусмысленность советско-французских «особых отношений». С одной стороны необходимо было укреплять и развивать отношения между СССР и Францией — особенно, в свете очевидно недалекой капитуляции Германии и многосторонних переговоров о послевоенном устройстве мира. С другой стороны, каждая из сторон пытаясь использовать партнера для достижения тех своих интересов, в том числе и тех, которые не разделялись Великобританией и США. Для де Голля принципиальным был вопрос о поддержке со стороны СССР французских притязаний на ряд немецких территорий на Рейне. Кроме того, де Голль мечтал о создании послевоенного антигерманского союза двух великих континентальных держав (Франции и СССР), имеющих несколько иные цели, чем их англо-американские партнеры. СССР пытался уговорить французов признать в той или иной форме просоветское правительство Польши. В итоге ни те, ни другие достичь поставленных целей не смогли. Впрочем, по всей видимости, Сталину удалось в очередной раз удачно разыграть свою «коммунистическую» карту — не случайно в день отъезда де Голля из Парижа в Москву движение по встречному маршруту Москва — Париж начал глава ФКП Морис Торез, ранее объявленный во Франции дезертиром и преступником. Видимо, именно во время этого визита в Москве окончательно поняли,

что использование де Голля для достижения каких-либо своих внешнеполитических целей также сопряжено с серьезными трудностями. Ставший к тому времени официальным главой Временного правительства Франции и пользовавшийся признанным авторитетом как во Франции, так и среди союзников, генерал де Голль рассматривал себя как представителя великой державы, не желающей быть сателлитом ни у США, ни тем более у СССР. Дискуссии вызвала и идея де Голля о заключении прямого франко-советского союзного договора (а не трехстороннего англо-франко-советского, который предлагал Черчилль и к которому склонялся Сталин). Этот прямой договор помог бы Франции уменьшить политическую зависимость от Великобритании. Сталин по этому поводу отметил: «Если теперь отложить пакт трех... то Черчилль обидится...» Однако поскольку французы так настаивают на заключении прямого франко-советского пакта, он предлагает следующее: «Пусть французы окажут нам услугу, а мы окажем им услугу. Польша — это элемент нашей безопасности... Пусть французы примут представителя Польского комитета национального освобождения в Париже, и мы подпишем двусторонний договор. Черчилль обидится, но что поделаешь»²¹. Интересно, что «встреча де Голля с «угрюмым царем» завершается пактом, в котором Сталин так и не сумел вырвать у де Голля признание Люблинского комитета — просоветского органа, посредством которого он хотел обеспечить контроль над Польшей. Де Голль согласился на то, чтобы послать в Люблин наблюдателя (это будет Кристиан Фуше), но поскольку он ничего не получил по Германии, он не сделал и никаких уступок по Польше... Для Сталина, который за два года уже привык, что англичане и даже американцы попадаются на его уловки и подчиняются его давлению, этот нахальный француз, которому даже нечего предложить, невыносим. Он не только беден, но еще и нагл. И жаден... Его нужно держать в стороне. От Ялты, например»²². Тем не менее отдельный (а не англо-франко-советский) советско-французский союзный договор был заключен, хотя переговоры порой и находились на грани срыва. Этот договор имел для де Голля большое значение как один из важных

²¹ Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 2001. С. 583.

²² Де Голль, Черчилль, Рузвельт, Сталин: секреты их взаимодействия // Le Nouvel Observateur (Франция), 5.05.2005.

элементов той независимой французской внешней политики, за которую он ратовал. Не случайно, именно ему принадлежит афоризм о том, что необходимо любыми средствами «избегать возможности оказаться между собакой и фонарным столбом»²³.

Нельзя отрицать впрочем, что упорство (если не упрямство) де Голля пришлось Сталину по душе. В своих мемуарах де Голль подробно описывает последний ужин, на который Stalin пригласил французскую делегацию перед ее отъездом из Москвы в Париж и после того, как советско-французский договор был подписан на условиях де Голля: «Stalin показал прекрасную игру. Спокойным голосом он сделал мне комплимент: «Вы хорошо держались. В добный час! Я люблю иметь дело с человеком, который знает, чего хочет, даже если его взгляды не совпадают с моими»... Он поднял бокал в честь Франции, «которая теперь имела решительных, несговорчивых руководителей и которой он желал быть великой и сильной, потому что России нужен великий и сильный союзник»²⁴. В эти же дни Stalin произнес известную фразу об ошибках. Де Голль спросил Сталина, почему тот так много работает. Stalin ответил, что это, во-первых, дурная привычка, а во-вторых, — следствие той большой ответственности, которая возлагается на него таким размахом работы. «Боюсь ошибиться», — прибавил он. Тогда де Голль спросил, не ошибок ли сотрудников боится Stalin. «Ошибки имеются и у меня, и у моих сотрудников, — ответил Stalin, — а ответственность огромна...»²⁵

Ялтинскую встречу союзников в феврале 1945 года де Голль действительно «проиграл», однако заключенный со Stalinом пакт надежно защищал интересы Франции на этой конференции: Франция была включена в ряд контрольных органов послевоенного устройства, а также получила свою зону оккупации Германии.

Следует упомянуть еще один значимый фактор, способствующий формированию позитивного имиджа де Голля как у советского руководства, так и в общественном мнении страны в годы войны. Это харизматичность и волюнтаризм генерала, склон-

²³ Де Голль Ш. На острие шпаги. М., 2006. С. 225.

²⁴ Де Голль Ш. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М., 2004. С. 92.

²⁵ Ошибки имеются и у меня и у моих сотрудников». Запись беседы И. В. Сталина и Ш. де Голля (1944) // Источник. Вестник Архива Президента РФ. 1996. № 5. С. 105–107.

ность его к самостоятельным решительным действиям, образ некоего «монарха», истинного главы государства, близкого как лично Сталину, так и традиционному русскому сознанию. Один из близких соратников генерала де Голля Гастон Палевски, отвечая на вопрос о том, не были ли отношения де Голля с Советским Союзом более простыми, нежели с Соединенными Штатами, ответил: «Они, конечно же, были более простыми с точки зрения повседневной дипломатии. Со стороны Советского Союза не было этой постоянной англо-саксонской заботы об общественном мнении, постоянно вопрошавшем о том, не ставит ли генерал своей политикой под угрозу демократические принципы. Stalin... по этому поводу проявлял глубокое безразличие. Он достаточно презрительно относился к нашей военной мощи, но, будучи geopolитическим гением, отдавал себе отчет о стратегических возможностях, которые предоставляет нам наше географическое положение, а также помнил и об «историческом капитале», который вписал на кулисах русского театра две французские даты — 1789 и 1871 гг. (Революция и Коммуна) — до революции 1917-го...»²⁶.

После окончания войны симпатии де Голля к СССР остались неизменными. В 1950 г. потерявший политическую власть де Голль создает документ о перспективах отношений Франции и России, в котором генерал «остался верен своей долгосрочной линии на стратегическое сотрудничество с Москвой. Он полагал, что это позволит уберечь «Францию и ее империю» от подчинения интересам США. Как отмечалось в этом документе, «коммунистическая суть политики России в последние годы приобретает всё более «русскую начинку». Это в какой-то мере перекликается с русско-французским союзом до 1917 года... Быстрой ремилитаризации Германии, что поощряют США и Англия, и планам США быстро прибрать к рукам многие регионы мира может эффективно противостоять союз Франции и новой России...»²⁷. Не случайно де Голль вспоминает об истории. Историческая основа сотрудничества России и Франции, взаимные политические

²⁶ Palewski G. Entretien sur les relations du général de Gaulle avec l'URSS, Espoir n°8, 1974 // URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lsrss/temoignages/gaston-palewski-les-relations-du-general-de-gaulle-avec-lsrss.php>

²⁷ Русские симпатии генерала де Голля. «Белые пятна» советско-французского союза. Алексей Чичкин. Газета «Столетие». 14.09.2010.

и культурные симпатии также стали фактором, упрощающим создание «особых отношений». При этом сталинский Советский Союз рассматривался де Голлем именно как Россия. В своих «Военных мемуарах» он писал: «Один на один с Россией, Сталин воспринимал ее мистически, более устойчивой и постоянной, чем все политические теории и режимы. Он любил ее по-своему. Она же приняла его как царя...»²⁸. Политика де Голля по отношению к Советскому Союзу, проводимая в духе традиционного франко-русского альянса, позволила ему обеспечить себе лояльность французских коммунистов внутри страны (как известно, их роль в Сопротивлении была огромной) и поддержку СССР в непростых переговорах с Великобританией и США в момент восстановления значения Франции как великой державы. Таким образом, с помощью этого альянса он одновременно достигал двух целей — обеспечивал французское национальное единство и пытался восстановить французское величие. Советская сторона также часто в своей риторике вспоминала об этой исторической преемственности. Так, например, Сталин после подписания документов во время визита де Голля в Москву в 1944 г. отметил: «Нам пора вспомнить, насколько важным был союз России и Франции, понять его изъяны и предотвратить попытки разрушить наш новый союз. Во имя жертв этой войны и во имя будущих поколений»²⁹.

Симпатии же советского руководства к де Голлю, в отличие от симпатий де Голля к СССР, носили, по всей видимости, сугубо тактический характер. Так, практически сразу же после расхождения во взглядах с французскими коммунистами и отставки де Голля отношение к нему в СССР резко меняется. В советских газетах, еще недавно превозносивших успехи де Голля, появляются заметки совершенно иного толка, в которых бывший друг и союзник называется «солдафоном», «фашистующим генералом» «неудавшейся Жанной д'Арк», «сражавшимся по радио стратегом» и «кандидатом в диктаторы»³⁰. В 1948 г. в Госполитиздате СССР вышел документ под названием «Фаль-

²⁸ De Gaulle C. Mémoires de Guerre — Le Salut — Le Rang Le voyage du Général à Moscou — Décembre 1944.

²⁹ Русские симпатии генерала де Голля. «Белые пятна» советско-французского союза. Алексей Чичкин. Газета «Столетие». 14.09.2010.

³⁰ См., напр.: «Де Голлю не терпится» // Правда. 14 марта 1948 г. № 74. С. 4.

сификаторы истории», в котором де Голль открыто назван фашистом и предателем, продававшим немцам войска французского Сопротивления³¹. Практически то же самое написано в статье о де Голле в Большой Советской Энциклопедии (т том со статьей о де Голле вышел в свет в 1952 г.).

Лишь во второй половине 1960-х гг., с выходом Франции из военной структуры НАТО и визитом де Голля в СССР в 1966 г. ситуация начала меняться. Так, существовал — правда, по неизвестным причинам так и не был реализован — проект награждения де Голля орденом Победы, одной из высших военных наград СССР³². С этого времени отношение советской пропаганды к де Голлю уже не менялось, так что у нескольких поколений советских людей сформировался положительный образ де Голля-союзника. И именно такой — дружественной к Советскому Союзу — высокая гордая фигура генерала де Голля навсегда вошла в историю советско-французских и российско-французских отношений.

Предлагаемая читателю антология состоит из шести глав. В первой приводятся фрагменты из трудов советских и российских историков о довоенном этапе жизни де Голля.

Во второй главе содержатся документы, определявшие развитие советско-французских отношений в годы войны — докладные записки и отчеты советских дипломатов, коммюнике по результатам встреч представителей советского правительства и представителей де Голля и т. д.

В третьей главе антологии приводятся выдержки из воспоминаний и мемуаров советских современников де Голля — дипломатов и военных, которые лично встречались с генералом и могли составить о нем и его деятельности собственное мнение.

Четвертая глава содержит статьи из ведущих советских газет — «Правды», «Известий», «Красной звезды» — с 1940 по 1948 гг., по которым можно проследить эволюцию отношения советского руководства к событиям во Франции и лично к Ш. де Голлю.

В пятой главе представлены фрагменты из работ советско-французских отношениях в годы Второй мировой войны и воен-

³¹ Фальсификаторы истории. ОГИЗ, Главполитиздат, 1948.

³² Селиванов И. Н. Несостоявшийся кавалер ордена «Победа». Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 54–57.

но-политической деятельности де Голля крупнейших советских и российских исследователей — Н. Н. Молчанова, В. И. Антиохиной-Московченко, М. О. Мировича, М. Ц. Арзаканян и ряда других.

Наконец, в шестой главе помещены отрывки из работ представителей белой эмиграции, в которых упоминается отношение к де Голлю представителей этой социальной группы русских людей, а также приводится ряд статей белоэмигрантской прессы разного толка, содержащих упоминание о де Голле.

